

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Устав 1884 г.: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами

В статье приводится негативная оценка Устава 1884 г. современниками, причем как представителями либерального крыла российской интеллигенции, так и адептами самодержавия. Отмечаются попытки советских и российских авторов дать объективную оценку документу. В качестве главной цели данной статьи определяется обнаружение за юридическими тонкостями Устава 1884 г. истинного положения представителей «ученого сословия», выявление основополагающих факторов, оказывавших влияние на мировоззренческие позиции, идейно-нравственные и политические ориентиры, аксиологические параметры научно-педагогической деятельности преподавателей российских университетов XIX – начала XX в. На основании анализа двух первых отделов (из 6) Устава Императорских университетов делается вывод о превращении органов университетского управления в «чиновнические учреждения», построенные на принципах «бюрократической организации», что вместе с фиктивным выборным началом профессорского состава порвало связи между «ученым сословием» и университетской администрацией. Отмечается ослабление позиций «ученого сословия», падение престижа профессорских коллегий, пренебрежение к ним со стороны представителей власти и, как следствие, – новый упадок дисциплины и оживление студенческого движения. Подчеркивается усиление властных полномочий руководства университетов, в которое входили по должности ректор, инспектор и деканы.

Ключевые слова: Император Александр III, императорские университеты, Устав 1884 г., министр просвещения, попечитель учебного округа, инспектор, ректор, декан, правление, «ученое сословие», университетское самоуправление.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

The Charter of 1884: Restoration of Authoritative Orders in the Sphere of Russian Universities Management

A negative assessment of the Charter of 1884 is given by contemporaries, as well as by representatives of the liberal wing of the Russian intelligentsia, and by adherents of autocracy. Attempts of Soviet and Russian authors to give an objective assessment to the document are pointed out. The main goal of this article is to detect behind legal subtleties of the Charter of 1884 of the true position of representatives of "the scientific estate", identification of the fundamental factors which had impact on world outlooks, ideological and moral and political guidelines, axiological parameters of the scientific and pedagogical activity of teachers of the Russian universities in the XIX – the beginning of the XX century. On the basis of the analysis of the two first parts (from 6) the Charter of Imperial universities is made a conclusion about transformation of bodies of University management into "clerk institutions", made on the principles of "the bureaucratic organization" and this together with the fictitious elective beginning of the professorial structure broke liasons between "the scientific estate" and the University administration. Weakening of the position of "the scientific estate", falling down of prestige of professorial boards, neglecting of them by authorities and as a result – a new decline of the discipline and revival of the students' movement are noted. Strengthening of the authority of the University administration which consisted of the Rector, the Inspector and Deans is emphasized.

Keywords: Emperor Alexander III, Imperial Universities, the Charter of 1884, the Minister of Education, a trustee of the educational district, an inspector, Rector, Dean, board, "a scientific estate", University self-government.

Устав 1884 г., четко обозначивший направление внутренней политики императора Александра III (1881–1894), с первых же шагов его применения на практике вызвал однозначно негативную реакцию у всех лиц, имевших отношение к университетскому образованию и системе просвещения в России последней четверти XIX в. Б. Н. Чичерин назвал его «безобразной ломкой» университетского строя [7, с. 249]. П. Г. Виноградов охарактеризовал новое университетское законодательство «не педагогиче-

скую, а политическую мерою», направленной на бюрократизацию «центральных просветительных органов» державы и борьбу с мнимой «недобросовестностью и неблагонадежностью профессорских коллегий» [9, с. 537, 540–545]. С предельной ясностью по сути новой нормативно-правовой базы Императорских университетов высказался и публицист В. Е. Якушкин, подчеркивая, что устав совершенно изменил «все основы университетской жизни, отбросил те принципы, которые последовательно прово-

дились во всех предшествовавших уставах». Аналогии ему он предлагал искать в «стеснительных» мерах конца 40-х – начала 50-х гг. XIX столетия [19, с. 48].

С критикой устава выступали не только представители либерального крыла российской интеллигенции конца XIX – начала XX в. (П. Н. Миллюков [12, с. 367, 370; 13, с. 796, 797], князь С. Н. Трубецкой [16, с. 181–203]¹, М. М. Филиппов [17, с. 90–109]), но и те видные деятели политики, в чьей преданности самодержавию трудно было усомниться. Правая рука императора, К. П. Победоносцев, оценивая итоги применения нового устава, спустя пятнадцать лет, прошедших с начала его введения, сделал вывод о том, что в университетах падает наука, а профессора не выполняют возложенных на них воспитательных задач [20, с. 83]. Граф и сенатор П. А. Капнист, с 1880 г. выполнявший обязанности попечителя Московского учебного округа, накануне первой русской революции писал: «Устав 1884 г., имевший прежде всего в виду усиление власти в университете, лишил ее в сущности прочной опоры и повел в конце концов к полной дезорганизации университетов» [11, с. 193].

Негативные оценки нового устава звучали из уст студентов² и преподавателей университетов³ 80–90-х гг. XIX в., попечителей учебных округов⁴, новых руководителей Министерства народного просвещения⁵, сменивших И. Д. Делянова на его посту.

Нелестные отзывы об университетском уставе содержатся в аналитических материалах тех лет: научных, историко-литературных, научно-популярных журналах и публикациях газет⁶.

Только один известный нам автор, С. В. Рождественский, с присущими ему обстоятельностью и беспристрастностью пытается взвешенно и хладнокровно осветить новый правовой фундамент функционирования Императорских университетов, но и он не преминул заметить, что «устав 1884 г. полнее всех предшествовавших проводил начало подчинения университетов правительственному контролю и влиянию», и обратил внимание на нестыковки заявленного уставом «направления» с уже имеющимся опытом работы отечественных флагманов высшего образования, что вызывало потребность в новых инструкциях и распоряжениях [14, с. 615, 616, 621–623].

Резюмируя результаты вновь развернувшейся к концу XIX в. полемики по «университетскому вопросу», С. Н. Трубецкой отметил «в высшей

степени знаменательный факт: не раздалось ни одного голоса в защиту действующего устава... Теперешний строй наших университетов не пользуется ничьей симпатией и в глазах всех требует коренного пересмотра и реформы...» [16, с. 181, 182].

Отечественные историки высшего образования второй половины XX столетия также не скупались на критику университетского устава 1884 г. Данная ему в середине 50-х гг. характеристика «реакционный» [22, с. 268, 272; 24, с. 28] сохранялась до конца 90-х гг. [23, с. 97–99; 26, с. 268, 272], когда об уставе принято было говорить как о «контрреформе», соответствовавшей реакционной политике царизма в сфере просвещения [25, с. 40, 41, 190; 30, с. 167, 258, 259]. Однако наиболее видный знаток последнего в самодержавной России университетского устава Г. И. Щетинина, несмотря на принятые в советское время методологические установки и риторику обсуждения культурно-идеологических проблем, все-таки не смогла обойти вниманием и отдельные его положительные моменты, связанные с улучшением материального положения высшей школы и членов университетской коллегии, а также усовершенствованием учебного процесса, что дало толчок к развитию естественных и точных наук в пореформенной России [29, с. 149, 161, 170, 171, 194].

Публикации, появившиеся в начале третьего тысячелетия [20, с. 75–83; 28, с. 184–199], не содержат явной негативной оценки устава, а невозмутимый тон изложения, присущий их авторам, соответствует взвешенному рассмотрению как достоинств, так и недостатков университетской конституции 1884 г.

Особняком в коротком списке исследователей последнего устава Императорских цитаделей науки стоят создатели монографии «Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры» [27]. В полемике с А. Андреевым, размышлявшим о своеобразии российской «национальной модели» университетского образования [21, с. 110–119], они в дифирамбическом ключе превозносят нормативно-правовую базу Императорских университетов конца XIX в., заявляя даже о том, что отличительные признаки отечественного университетского строя: активное государственное присутствие и профессиональная направленность образовательного процесса – находят свои истоки в уставе 1884 г. [27. – 4.1].

Обращаясь к изучению текста устава 1884 г., мы хотим создать собственное представление об этом противоречивом документе. Продолжая серию публикаций, посвященных правовому пространству существования Императорских университетов XIX в., мы преследуем цель обнаружить за юридическими тонкостями очередного университетского законодательства истинное положение представителей «ученого сословия». Это даст нам возможность выявить основополагающие факторы, оказывавшие влияние на мировоззренческие позиции, идейно-нравственные и политические ориентиры, аксиологические параметры научно-педагогической деятельности преподавателей российских университетов XIX – начала XX в.

Новый закон, определивший развитие главных научно-образовательных центров пореформенной России конца XIX – начала XX в., получил путевку в жизнь 23 августа 1884 г., когда император Александр III своим Именным Высочайшим Указом повелел привести в исполнение «Общий устав и временные штаты Императорских российских университетов» [1, с. 980]. Действие устава распространялось на шесть флагманов российского высшего образования: «С.-Петербургский, Московский, Харьковский, Казанский, Святого Владимира (в городе Киеве) и Новороссийский (в городе Одессе)» [1, с. 981, п. 1]. Вскоре в это число вошел и первый сибирский университет в Томске, учрежденный «повелением» императора еще в 1875 г., но приступивший к работе лишь спустя десять лет [23, с. 108]. Свои особые уставы сохраняли Дерптский университет, учрежденный в 1869 г. на базе Варшавской Главной школы Варшавский университет [14, с. 586, 587, 615], а также Гельсингфорский университет, существовавший на присоединенных к Российской империи землях Финляндии⁷.

«Общий устав Императорских российских университетов» состоял из шести отделов [2, с. 985–1026]⁸. Первый его отдел – «Общие положения» – включает пять параграфов, определявших статус и ведомственную принадлежность университетов, их структуру и органы внутреннего управления, подконтрольные ректору. Статьи второго отдела – «Управление университетом» – разбиты на следующие тематические блоки: «О попечителе учебного округа» (гл. I, § 6–9), «О ректоре» (гл. II, § 10–21), «О факультетах» (гл. III, § 22–27), «О совете» (гл. IV, § 28–31), «О порядке делопроизводства в собраниях факуль-

тетов и совете» (гл. V, § 32–39), «О правлении университета» (гл. VI, § 40–45), «Об инспекторе студентов и его помощниках» (гл. VII, § 46–52). Третий отдел – «Устройство учебной частью» – состоит из трех глав: «Преподавание» (гл. I, § 53–73), «Испытания» (гл. II, § 74–92), «Учебно-вспомогательные установления» (гл. III, § 93–96). В четвертом отделе – «Личный состав университета по учебной части» (§ 97–114) – рассматриваются принципы формирования преподавательской коллегии, перечисляются права и обязанности всех категорий учащихся. Правам университетов и их дисциплинарным нормам посвящен пятый отдел – «Об учащихся» (§ 116–136). Шестой отдел – «Права и преимущества университетов», сгруппировавший статьи о юридических, имущественных и финансовых привилегиях университетов и их служащих, разделен на три главы: «Права, принадлежащие университетам» (гл. I, § 137–147), «Преимущества лиц, принадлежащих к университету» (гл. II, § 148–151), «О пенсиях и пособиях за службу в университетах» (гл. III, § 152–157).

Следуя логике изложения, рассмотрим материалы первых двух отделов устава, которые позволят нам понять изменения в системе управления университетами, закрепленные их новой нормативно-правовой базой.

Общий устав университетов 1884 г. полнее всех предшествовавших уставов проводил идею подчинения оплотов российской науки жесткому правительственному влиянию. Это следует не только из четвертой статьи, определявшей тон, или, как тогда говорили, «дух», нового кодекса университетской жизни: «Каждый университет, состоя под главным ведением министра народного просвещения, вверяется начальству попечителя местного учебного округа»⁹. К этому выводу мы приходим, не только суммировав все названные составителями устава полномочия министра просвещения, попечителя, ректора. Гораздо красноречивее выглядит инструкция Министерства, разъяснявшая университетским коллегиям целесообразность отказа от урезанной автономии в пользу укрепления административной централизации: «...необходимо, чтобы сознание своего долга перед государством деятельно заявляло себя и в профессорской среде. Необходимо, чтобы преподаватели, которым государство доверяет воспитание юношества, по природе склонного к добру, были его истинными наставниками в науке, а в политическом отношении сознавали бы себя всецело органами государства. Постав-

ление университета под более непосредственное, чем доньше, действие правительственной власти должно дать в этом отношении благотворные последствия» [10, с. 730].

Забота о превращении «ученого сословия» в «органы государства» и означала закрепление за университетами принципа непосредственного и неотвратимого государственного руководства, на время ослабленного в эпоху Великих реформ. Устав 1884 г. прежде всего расширил средства надзора за университетами со стороны министра народного просвещения, получившего права избирать ректора (отдел I, § 4; отдел II, гл. II, § 10), назначать, повышать по службе и увольнять профессоров (отдел II, гл. IV, § 30. III. № 2, 4, 5, 9, 10; отдел III, гл. I, § 62, 64; отдел IV, § 98, 100, 102–105, 109–112), а также контролировать результаты преподавания через пособничество испытательных комиссий (отдел III, гл. II, § 75).

Без министра теперь нельзя было производить структурные изменения на кафедрах и факультетах, принимать решения об улучшении работы учебно-вспомогательных подразделений (отдел II, гл. IV, § 30. III. № 3, 7, 8). Он «одобрял» или отклонял учебные планы, составленные факультетами, а также «обозрения преподавания», включавшие распределение лекций и практических занятий по дням недели и часам (там же, № 11, 12). Все правила и инструкции, регламентирующие поведение студентов на занятиях и вне аудиторий, без сомнения, также были согласованы с ним (там же, 13).

Непосредственным начальником университета назначался попечитель местного учебного округа (отдел I, § 4); только ему было разрешено представлять университет перед Министерством народного просвещения (отдел II, § 9). В руках попечителя оказались сосредоточенными все нити университетского управления, которое раньше приводилось в движение разными коллегияльными инстанциями. Если по уставу 1863 г. попечитель мог по своему усмотрению вмешиваться во все сферы университетской жизни [4. – Гл. III, § 26. 1, 2], то по новому уставу он обязан был вмешиваться, должен был иметь на них непосредственное влияние и руководить ими (отдел II, гл. I, § 7). О роли попечителя красноречиво свидетельствует устав 1884 г.: его второй отдел, называвшийся «Управление университетом», открывался главой «О попечителе учебного округа», седьмой параграф которой недвусмысленно определял руководящие позиции попечителя в деле университетского администри-

рования: «По делам, относящимся к заведованию университетом, попечитель действует через ректора, совет, правление или собрания факультетов университета. Дела, превышающие власть университетских установлений, попечитель или разрешает сам, если они не выходят за пределы предоставленной ему власти, или, в противном случае, представляет на разрешение министра народного просвещения, вместе со своим заключением. Попечитель имеет право по усмотренной им надобности созывать совет, правление и собрания факультетов, а также присутствовать в заседаниях сих установлений».

Став полновластным хозяином университета, попечитель мог избирать деканов факультетов (отдел II, гл. III, § 24); представлять министру народного просвещения преподавательский состав руководимого им учебного заведения, комментируя отношение каждого ученого к службе, «законам и распоряжениям правительства», что было особенно важно для карьерного роста приват-доцентов и достижения докторской степени «экстерном» (отдел II, гл. I, § 6; отдел II, гл. III, § 27. IV. № 3, 4; отдел II, гл. IV, § 30. III. № 1, 2, 4, 5, 9, 10); он был обязан выдвигать для утверждения министром кандидатуру «инспектора студентов», обосновывать число его помощников (отдел II, гл. VII, § 46, 49, 50) и возглавлять надзор за поведением студентов (отдел V, § 125).

Присутствуя во всех звеньях университетского правления (отдел II, гл. I, § 7), попечитель не только превращался в участника и инспектора обсуждавшихся в совете, правлении и на факультетских собраниях комплекса вопросов, но и становился уполномоченным министра при разъяснении ему хозяйственных и финансовых проблем, дисциплинарной политики университета, при рассмотрении учебного процесса и изыскании средств, содействовавших его большей эффективности. На попечителя была возложена обязанность «высшего руководства» по охране порядка и соблюдению дисциплинарного устава в университете, причем он получил право давать ректору советы («обязательные для него предложения») ¹⁰, направленные на улучшение надзора за студентами, и мог контролировать своевременность выполнения своих распоряжений (отдел II, гл. I, § 8). Назначение пособий и стипендий студентам также было поручено ему (отдел II, гл. VI, § 41. III. № 4), как и контроль за тем, чтобы профессора «посвящали преподаванию достаточное количество часов» (отдел III, гл. I, § 67). Оценка работы приват-доцентов и

назначение вознаграждения за их труд (отдел IV, § 110–112) стали также, наряду с возможностью влиять на весь личный состав университета (отдел III, гл. I, § 64; отдел IV, § 99, 100, 102, 104, др.), прерогативами деятельности попечителя.

Следовательно, жизнь университета либо оказалась непосредственно под властью попечителя, либо по его заключению попадала под пристальный контроль и бдительный надзор министра народного просвещения. Принципы коллегиальности и самоуправления, которыми прежде могли гордиться Императорские университеты России, отныне оказались сданными в архив и заменены административной властью одного лица¹¹.

Согласно общей тенденции нового устава и его «духа», ректор и деканы уже не являлись лицами, выбранными профессорской корпорацией. С 1884 г. они выполняли свои обязанности по назначению. Ректор, выбранный министром из ординарных профессоров сроком на четыре года (с возможной пролонгацией этого срока еще на четыре года), назначался на эту должность Высочайшим приказом (отдел II, гл. II, § 10). Деканы, избранные попечителем, утверждались министром народного просвещения на четырехлетний срок, и, подобно ректору, могли сохранить свои посты в ближайшее четырехлетие (отдел II, гл. III, § 24).

Ректор по новому уставу превращался в ближайшего помощника попечителя: ему вверялось «непосредственное» управление и «заведование» университетом (отдел I, § 5; отдел II, гл. II, § 11). Он председательствовал в совете, правлении, а при возникновении необходимости – «усмотренной им надобности» – и на факультетских собраниях (отдел II, гл. II, § 16). Он был обязан держать под контролем все звенья управления университетом («совет, правление, собрания и деканов факультетов, инспектора студентов с его помощниками» – § 5), следить за надлежащим исполнением всеми службами и должностными лицами университета их непосредственных обязанностей, отвечать за правильную, то есть поставленную в соответствии с уставом и министерскими инструкциями, организацию учебной деятельности, давать указания деканам и вносить предложения в работу факультетских собраний, если замечал в работе отдельных кафедр или преподавателей ошибки (отдел II, гл. II, § 13, 14; гл. III, § 27. I. № 8). «Все служащие в университете... лица обязаны исполнять законные требования ректора», – гласила статья 12. Ректор был ответственен перед попечителем и министром за

выполнение студентами установленных правил поведения (гл. II, § 13, в), что делало необходимым с его стороны организацию контроля за университетскими органами инспекции¹² (отдел II, гл. VII, § 48, 49). В чрезвычайных ситуациях ему вменялось в обязанность принятие экстренных и эффективных мер, способствовавших водворению порядка и спокойствия в университете (отдел II, гл. II, § 17). О мотивах, побудивших его превысить свои полномочия, и о характере предпринятых им действий он был обязан немедленно доложить попечителю и поставить в известность совет и правление (там же).

Под непосредственным контролем ректора находились университетское имущество, денежные средства, оснащение учебно-вспомогательных учреждений (отдел II, гл. II, § 13, г, д, е).

Таким образом, устав наделил ректора обширной дисциплинарной и контролирующей властью, объем которой был больше, чем прежде¹³. Это превращало его из члена профессорской корпорации в администратора, ответственного за свои действия перед попечителем и подчиненного министру, но независимого от «ученого сообщества».

Нельзя не заметить также, что расширение прерогатив власти министра народного просвещения, попечителя и ректора происходило параллельно со снижением значения совета университета, за которым устав закрепил по преимуществу собственно учебные и научные вопросы и функции. По административным, хозяйственным, кадровым делам коллегиальным звеньям управления университетами совету и факультетским собраниям – предписывалась исключительно совещательная роль.

Что касается факультетских собраний, то их позиции не претерпели существенных изменений. Ведению факультетских собраний, состоявших под председательством деканов (отдел II, гл. III, § 23), подлежали четыре группы дел. Первую группу составляли дела, по которым факультетам разрешалось принимать окончательные решения. Это: проведение испытаний на ученые степени, а также семестровых (полукурсовых), «поверочных», состязательных испытаний, имевших своей целью стимулирование успешной организации учебных занятий; контроль за успеваемостью студентов в течение семестров и выдача выпускных свидетельств лицам, успешно завершившим «полный курс»; предоставление магистрантам свидетельств об итогах осу-

ществленных испытаний и удостоверений на право чтения лекций в звании приват-доцента (если факультет был удовлетворен результатами его «пробных чтений» лекций); определение тематики ежегодных исследовательских «задач» для студентов и слушателей вместе с присуждением медалей и почетных отзывов победителям; присуждение премий ученым за научные труды на темы, предложенные «особыми постановлениями» министерства; обсуждение предложений ректора о мерах, направленных на обеспечение полноты и правильности преподавания, и принятие соответствующих решений; разрешение профессорам (в силу возникших обстоятельств) читать лекции и проводить практические занятия сверх установленной нагрузки (шести часов в неделю. – Отдел III, гл. I, § 67) на других факультетах; обсуждение отчетов преподавателей о результатах проведения практических занятий; допущение «докторов иностранных университетов» к испытанию на степень магистра (отдел II, гл. III, § 27.I. № 1–11; отдел IV, § 109, в).

Во вторую группу были отнесены дела, принятие решений по которым предоставлялось совету университета. К ним относились обсуждение предложений по замещению вакансий профессоров и лекторов; присвоение ученых степеней магистра и доктора; рассмотрение ходатайств магистрантов, а также лиц, получивших «почетную известность своими научными трудами», о внеочередном присвоении им ученой степени доктора (за выдающиеся научные достижения), минуя установленный порядок присвоения ученых степеней; составление учебных планов и «обозрений преподавания» с распределением лекций и практических занятий по дням недели и часам; изучение предложений о соединении и разъединении кафедр, о замене, открытии, переносе кафедр с одного факультета на другой; изложение предложений о проведении «поверочных», состязательных и полукурсовых испытаний и об условиях допуска к ним; обсуждение предложений о временном замещении вакантных кафедр и награждении приват-доцентов за добросовестное отношение к работе; рассмотрение вопроса о распределении сумм, выделенных на «учебно-вспомогательные установления» (библиотеки, коллекции, пособия и пр.) (отдел II, гл. III, § 27.II. № 1–12; отдел III, гл. I, § 71; гл. II, § 84, 85; отдел III, гл. III, § 93, 94).

Распределение университетских помещений под учебно-вспомогательные кабинеты, а также обсуждение ходатайств о назначении стипендий

и единовременных пособий студентам составляли третью категорию дел факультетских собраний, которые направлялись для принятия решений в правление университета (отдел II, гл. III, § 27. III. № 1, 2). Четвертая категория, вердикты по которой выносил попечитель, была связана с утверждением права лиц, претендовавших на звание приват-доцентов, читать лекции; рассмотрением списков университетских стипендиатов и молодых ученых, рекомендованных для прохождения заграничных командировок за казенный счет; утверждением вспомогательного учебного персонала на физико-математический и медицинский факультеты (отдел II, гл. III, § 27.IV. № 1–5).

Таким образом, круг обязанностей факультетских собраний был четко определен, а по ряду позиций – и расширен, так как за ними в значительной степени были закреплены полномочия, полагавшиеся по уставу 1863 г. ведению университетского совета¹⁴. «Ближайшее наблюдение за преподаванием учебных предметов на своем факультете» принадлежало декану (отдел II, гл. III, § 25), как и осуществление контроля за учебной деятельностью студентов (отдел III, гл. II. Б. § 83, 84). Ведение делопроизводства на факультете вверялось секретарю, избираемому деканом из профессоров сроком на четыре года и утверждаемому в этой должности попечителем (отдел II, гл. III, § 23).

Собрания факультетов, на которых обязаны были присутствовать все профессора (отдел II, гл. III, § 23), происходили «по мере надобности» и «назначались» деканами (отдел II, гл. V, § 32); решения на них принимались большинством голосов. Баллотирование, или тайная подача голосов, применялось при избрании должностных лиц, «служащих по учебной части» (отдел II, гл. V, § 38, 39).

«Факультет подвергал баллотированию» всех кандидатов, изъявивших желание занять открывшееся вакантное место профессора. В процессе обсуждения «ученых и преподавательских достоинств» каждого претендента выявлялся наиболее достойный «кандидат факультета» – за него было подано наибольшее число голосов. Протоколы обсуждений всех кандидатур с указанием «отдельных мнений» поступали в совет университета для получения «заключения», а затем препровождались попечителю, который «представлял дело вместе со своим мнением» министру народного просвещения. Он утверждал

«в должности профессора избранного советом лица» (отдел IV, § 100–103).

Такая сложная, многоступенчатая процедура выборов должна была избавить университеты от случайных и неблагонадежных ученых. Хотя в выборах участвовали все профессора факультета и совета, а процессы обсуждения и баллотирования были тщательно задокументированы, рассмотрение механизма пополнения «личного состава университета по учебной части» оставляет осадок театрализованности, искусственности. Никчемность изложенной выше громоздкой процедуры избрания усиливает параграф 103: «В случае неутверждения представленного кандидата министру предоставляется назначать профессора из числа других кандидатов, предложенных в университете, или заместить должность посторонним лицом...»

Справедливости ради, отметим, что в уставе 1884 г. была учтена критика, сопровождавшая применение предшествующего устава 1863 г. Отныне при голосовании «простым большинством голосов» должно было учитываться «мнение меньшинства членов», когда обсуждавшееся «дело» требовало «утверждения высшего начальства» (гл. V, § 38). Однако и это не гарантировало дальнейшего учета всего спектра мнений, прозвучавших на факультетских собраниях и в совете, в вышестоящих инстанциях, поэтому подразумевавшийся в данном случае принцип «демократического централизма»¹⁵ вновь мог быть неоправданно заменен волюнтаристскими решениями попечителя и министра просвещения.

Функции совета университета, который прежде возглавлял систему коллегиальных органов власти университета, по уставу 1884 г. были поделены между попечителем, ректором, правлением и факультетами.

Совет, включавший в себя всех профессоров университета (отдел II, гл. IV, § 28), разбирал три категории дел. К первой принадлежали дела, определявшие степень самостоятельности совета: по ним он мог принимать окончательные решения. Сюда относилось ежегодное определение общего количества медалей, присуждавшихся за лучшие студенческие работы, и распределение их между факультетами; утверждение в ученых степенях, в том числе и при нарушении установленного порядка их присвоения (отдел II, гл. IV, § 30.I. № 1–3). Вторую группу дел составляли решения совета, подлежащие утверждению попечителя. К ним причисляли: обсуждение предложенных попечителем вопросов, касавшихся

университета и учебного округа; избрание на вакантные должности лекторов; распределение денежных средств, предназначенных на «учебно-вспомогательные установления» факультетов; назначение даты торжественного собрания университета (отдел II, гл. IV, § 30.II. № 1–4).

Третья категория дел, наиболее обширная, содержала заключения совета, которые через попечителя передавались на усмотрение или утверждение министра народного просвещения: избрание почетных членов университета и лиц, представленных факультетами на замещение вакантных должностей профессоров; составление предложений о структурных изменениях на факультетах: открытии новых кафедр, соединении и разделении кафедр, перенесении кафедр с одного факультета на другой; принятие мер к временному замещению вакантных кафедр и обсуждение предложений о награждении приват-доцентов; принятие решений о присвоении степени доктора ученым, снискавшим известность своими научными достижениями, без магистерских испытаний и представления диссертации (по ходатайствам факультетов); рассмотрение ходатайств об открытии новых ученых обществ; изучение предложений о распределении между факультетами сумм на «учебно-вспомогательные установления» и определение мер, улучшающих их деятельность; одобрение учебных планов факультетов и обсуждение «факультетских обзоров», то есть расписаний занятий; проверка правильности составленных правлением приходных и расходных счетов; обсуждение инструкций для инспекции над студентами, а также правил о приеме студентов и слушателей, об обязанностях учащихся, о взысканиях за нарушение установленного порядка, о проведении полугодических, «поверочных» и состязательных испытаний, о заведовании библиотекой, приобретении и использовании книг (отдел II, гл. IV, § 30.III. № 1–14).

Таким образом, совет университета стал высшим органом по учебным делам, совещательным собранием, не обладавшим прямой распорядительной функцией [10, с. 733]. Большая часть дел, обсуждавшихся на совете, шла на утверждение министру народного просвещения, поэтому совет стал напоминать исполнительный орган, ожидавший волеизъявления министра. Самостоятельность совета была подорвана: подобно передаточному механизму, совет дождался получения положительной реакции на его инициативы и одобрительного решения со стороны как попечителя, так и министра народного просвещения.

щения. Это обстоятельство позволило М. М. Филиппову утверждать, что устав свел «автономию профессорской коллегии на нуль» [17, с. 94].

Лишив совет – средоточие прежней университетской автономии – его руководящей роли в делах университета, составители устава нанесли удар по авторитету профессорской коллегии. Профессора, устраненные «от всякого легального участия в управлении учреждением, сущность которого они составляют и которому они призваны служить», превратились в «посторонних посетителей университета», подчиненных «чиновничьим учреждениям», какими стали органы университетского управления, заявляет П. А. Капнист [11, с. 192, 193].

Собрания совета проводились без должной упорядоченности и системности: членов совета созывали «по мере надобности» (отдел II, гл. V, § 32)¹⁶, даже во время каникул, если в этом состояла экстренная необходимость (отдел II, гл. V, § 35). Для принятия решения по обсуждавшимся вопросам требовалось присутствие двух третей его состава (там же). Если при открытом голосовании мнения разделялись поровну, победу одерживала сторона, возглавлявшаяся председателем совета, то есть ректором или бравшим на себя его полномочия попечителем учебного округа (отдел II, гл. V, § 38). При баллотировании использовалось правило «большинства голосов». Отсутствовавший на заседание совета профессор мог поручить бросить свой шар, голосуя «за» или «против», доверенному лицу, письменно известив об этом председателя (отдел II, гл. V, § 34–39; отдел IV, § 100–102).

В отличие от совета, сузившего свою компетенцию и утратившего свой привилегированный статус среди органов университетской администрации, полномочия правления университета были расширены.

«Предметы ведомства правления» (отдел II, гл. VI, § 41), то есть его функции, распределялись среди четырех категорий дел. Правление было уполномочено окончательно рассматривать следующие вопросы: распоряжаться средствами, предусмотренными сметой на содержание университета; осуществлять внеплановое расходование специальных средств университета, внося за каждый приобретаемый предмет не более трехсот рублей; заключать контракты на подряды и поставки на сумму, не превышающую пяти тысяч рублей; выделять казенные средства на публикацию научных трудов, одобренных фа-

культетскими собраниями; рассматривать (по поручению ректора) дела о приеме студентов и «допущении в университет посторонних слушателей»; принимать решения о переходе студентов с одного факультета на другой и из одного университета в другой, а также об их «увольнении»; осуществлять разбирательства и налагать взыскания на студентов, уличенных в нарушении установленных министром народного просвещения правил; назначать фельдшеров для студенческой больницы (отдел II, гл. VI, § 41.I. № 1–8).

Правление было обязано вносить в совет университета «ежегодные расписания о доходах и расходах», то есть информировать его о приходно-расходных счетах, на основании которых совет распределял по факультетам средства, предназначенные на «учебно-вспомогательные установления» (отдел II, гл. VI, § 41. II; гл. IV, § 30. II. № 3). Это составляло вторую категорию его дел. В третью категорию входили вопросы, решения по которым принимал попечитель. К ним относились: осуществление из специальных средств университета сверхштатных расходов, не превышавших одной тысячи рублей; заключение контрактов на подряды не свыше семи тысяч рублей; разработка предложений об улучшении деятельности хозяйственной части университета; назначение студентам стипендий и денежных пособий и рассмотрение ходатайств об освобождении неимущих студентов от платы за обучение, об ее отсрочке или уменьшении; распределение университетских помещений под «учебно-вспомогательные установления» и под квартиры университетским должностным лицам; приглашение учителей искусств и определение размера их гонорара, выплачивавшегося из специальных средств университета; избрание библиотекаря, казначея, архитектора и прочих служащих, востребованных факультетами университета (отдел II, гл. VI, § 41.III. № 1–7).

Последняя, четвертая категория дел, закреплявшихся за правлением университета, требовала вердикта министра народного просвещения. Это были финансовые вопросы: осуществление из специальных средств университета сверхштатных расходов, превышавших одну тысячу рублей на один предмет; заключение контрактов по подрядам и поставкам на сумму свыше семи тысяч рублей (отдел II, гл. VI, § 41. IV. № 1, 2).

Правление, состоявшее из ректора, деканов и инспектора (отдел II, гл. VI, § 40), заседало один раз в неделю и представляло свои протоколы попечителю (отдел II, гл. VI, § 45) – так же посту-

пали совет университета и факультетские собрания, секретари которых подготавливали документацию для ревизии попечителя (отдел II, гл. III, § 23; гл. IV, § 31). Члены правления разделяли полномочия рачительных хозяйственников и ретивых контролеров, когда осуществляли «заведование» университетским имуществом, следили за его сохранностью и тщательно вели описи. В тех случаях, когда они принимали взносы за посещение студентами и слушателями лекций, распределяли их между профессорами и другими преподавателями, распоряжались кредитами, открытыми на содержание университета, их можно было воспринимать как бухгалтеров или банкиров (отдел II, гл. VI, § 42, 43).

Кроме обязанностей финансово-экономического характера, правление, как это было отмечено выше, имело право избирать должностных лиц университетских служб – прежде это делалось советом [4. – Гл. V. Отд. I, § 42. Б. № 2, 4, 5]. На правление возлагалась некогда поручавшаяся университетскому суду обязанность участвовать в разбирательствах по всем студенческим делам [4. – Гл. V. Отд. II, § 51 а) № 3, 4; Гл. V. Отд. III, § 56–59]¹⁷. Однако после того как университетский суд был признан Министерством народного просвещения «бесполезным учреждением» [10, с. 734], членам правления навязали судебно-полицейские функции. Правление получило право налагать следующие наказания: выговор, арест (в карцере), увольнение и исключение (отдел V, § 125 и прим.), которые вскоре «обросли» поправками и расширились до следующего перечня: выговор с внесением в штрафную книгу; арест в карцере от двадцати четырех часов до четырех недель; выговор и арест с предупреждением об исключении из университета в случае нового проступка студента; увольнение из университета по предложению ректора; исключение без права поступать вторично в этот же университет; исключение без возможности продолжать обучение в других университетах России [24, с. 273].

Устав 1884 г. намеренно опускал перечисление тяжелых проступков студентов. Это давало широкие карательные права университетской администрации и развязывало ей руки при расправах с провинившимися студентами. Студенты, нуждавшиеся в денежных средствах, вынуждены были заискивать перед членами правления, от решения которого зависело назначение стипендий и пособий, а также освобождение от платы за посещение аудиторных занятий.

Новым уставом было усилено значение инспекторской власти. Инспектор вводился в должность министром народного просвещения по представлению попечителя и являлся полномочным членом правления по всем его делам (отдел II, гл. VII, § 46), а не только по студенческим вопросам, как это было определено уставом 1863 г. [4. – Гл. VI, § 63–66]. По представлению инспектора попечитель назначал субинспектора и «служителей инспекции», число которых определялось количеством студентов (отдел II, гл. VII, § 49, 50), а потому различалось в столичных и периферийных университетских центрах.

Инспектор подчинялся ректору, помогая ему контролировать поведение студентов и слушателей внутри университетских корпусов, а также за их пределами, включая студенческую больницу. В случаях нарушения «порядка и благочиния» он (с разрешения ректора) принимал меры, направленные на установление спокойствия и дисциплины, руководствуясь в своей решимости инструкцией, составленной министром народного просвещения (отдел II, гл. VII, § 48, 52).

Двойственность положения инспектора, состоявшего под «начальством попечителя» и в то же время подчинявшегося «в действиях своих ректору» и исполнявшего «его законные требования» (отдел II, гл. VII, § 48), была подмечена еще современниками. Если П. А. Капнист видел в этой нестыковке устава «ложное положение», ошибку творцов устава, которая наряду с другими подобными неурядицами привела к полной «дезорганизации университетов» [11, с. 192, 193], то М. М. Филиппов откровенно заявляет о том, что подчинение инспектора ректору было фикцией. «Инспектор, как будто подчиненный ректору, – рассуждает он, – в то же время непосредственно подчинен прямому начальнику ректора – попечителю и получает от него непосредственные инструкции: а это означает попросту, что в некоторых случаях инспектор может оказаться начальником ректора» [17, с. 104, 105]. Закон позволял инспектору «в случае нарушения порядка и благочиния» в университетских зданиях принимать «меры к восстановлению оных, доводя это до сведения ректора и испрашивая в более важных случаях его согласия на предполагаемые распоряжения» (гл. VII, § 48). В некоторых университетах голос инспектора имел решающее значение в правлении [17, с. 104]. В Московском университете инспектор обладал таким авторитетом и влиянием, что в глазах сту-

дентов выглядел более значимой фигурой, чем попечитель и ректор¹⁸.

Подводя итоги изучения двух первых отделов устава Императорских университетов 1884 г., мы вправе присоединиться к своим предшественникам, уже обратившим внимание на то, что новое университетское законодательство было проникнуто идеей административной централизации российских научно-образовательных центров, являлось «продуктом исключительно полицейско-административных симпатий», которые получили «право гражданства в 80-е годы» [10, с. 729, 737]. Ему удалось свести на нет урезанное самоуправление университетов, восстановленное уставом 1863 г.

Подчинение университетов сильной правительственной власти выразилось прежде всего в расширении средств надзора за ними со стороны Министерства народного просвещения, получившего возможность регламентировать учебный строй, административную и хозяйственную деятельность университетов [14, с. 616].

Возвращая пользовавшиеся автономными правами университеты в лоно сугубо государственных, а не самоуправляемых учреждений, устав отменил возможность выбора университетским советом ректора, деканов факультетов, профессоров, упразднил должности проректора и судей. Как и в 1849 г., ректоры стали назначаться министром просвещения. Профессорские вакансии замещались с его же ведома, причем, как и в период действия устава 1835 г., министр мог не утвердить предложенную учебным заведением кандидатуру. Рассмотрение и одобрение учебных планов, составленных факультетами, как и решение менее значительных вопросов: назначение вознаграждений приват-доцентам, утверждение правил пользования университетской библиотекой – теперь зависело от волеизъявления министра. Централизация управления достигла такой степени, что даже разрешение на отсрочку экзамена студенту [20, с. 81] или на исправление поставленной на экзамене оценки [17, с. 100] давал министр.

Попечитель также приобрел над университетом власть, какую он не имел ни по одному из прежних уставов [12, с. 367]. Большинство вопросов университетской жизни, начиная от назначения деканов, определения служебного соответствия преподавателей и образовательных привилегий студентов и университетских стипендиатов, решалось лишь с санкции попечителя. Через проверку журналов заседания советов

он осуществлял контроль за работой этого некогда влиятельного органа университетской власти, а через назначение инспектора и его помощников-педелей ему удавалось сосредоточить в своих руках высшее руководство в деле охраны академического порядка и дисциплины.

Непомерную власть и влияние по уставу получало и правление, которое благодаря входившим в его состав «коронным» должностным лицам: ректору, деканам, инспектору, – «сделалось отделением министерства внутри университета» [12, с. 367]. Кроме хозяйственных, финансовых, кадровых функций, правление стало осуществлять судебно-дисциплинарные обязанности по студенческим делам.

Органы университетского управления превратились в «чиновнические учреждения», построенные на принципах «бюрократической организации» [11, с. 192], что в купе с фиктивным выборным началом, сохраненным за профессорами, порвало связи между «ученым сословием» и университетской администрацией. Независимость ректора от совета, деканов от факультетских собраний, инспекторов – от профессоров, профессоров – от управленческого процесса привела к разобщенности внутриуниверситетских сил, а утверждение принципа субординации среди некогда равноправных представителей профессорских коллегий превратило их в иерархию чиновников на казенной службе. «Ученое сословие», отчужденное от решения общеуниверситетских проблем и «привязанное» исключительно к выполнению своих профессиональных обязанностей, чувствовало себя ослабленным, посрамленным и испытывало растерянность перед очередным натиском канцелярского произвола. Падение авторитета профессорских коллегий, пренебрежение к ним со стороны носителей властных полномочий стали, в свою очередь, причинами нового упадка дисциплины и оживления студенческого движения [11, с. 193; 16, с. 182].

Не решившись полностью упразднить коллегияльные органы университетского самоуправления, авторы устава, тем не менее, сильно урезали их потенциал. Ученые советы, которые стали созываться два-три раза в год, не могли теперь даже перенести лекции с одного часа на другой [28, с. 186; 29, с. 150], не получив на это официального разрешения.

Замену внутреннего самоуправления университетских коллегий «жандармодемократией» [28, с. 90] не отрицают даже авторы «Отечественных

университетов в динамике золотого века русской культуры». Они вынуждены признать «решительное повышение роли первых лиц управленческой вертикали», зависимость состава профессорских коллегий от правительственной власти, значительное сокращение «круга действий совета» [27. – 4.3].

Провал очередной попытки реставрации канцелярско-полицейского режима в системе управления университетами стал ощущаться к началу XX в. С. Н. Трубецкой уверяет нас в том, что «новый устав, дезорганизовав университетский строй, не достиг даже полицейской цели». Уже спустя тринадцать лет после начала реформирования университетов на его основе, создавалось впечатление, что «новый университетский строй был поражен преждевременным старческим маразмом, который выразился в глубоком распаде, дезорганизации и в отсутствии способности координировать работу всех членов университетского организма к одной должной цели. Университет стал походять на большого человека, который может поддерживать непрочный порядок в своих владениях лишь путем чисто внешних репрессий» [16, с. 182]. Формулой спасения «высшего научного образования в России» ученый считал возвращение университета «к тем основам корпоративной организации, без которых он обращается в чисто внешнее соединение отдельных факультетов, отдельных кафедр, отдельных учреждений, объединяемых путем административных мер, да кое-каким воспоминанием прежних традиций» [16, с. 202].

Мысль о возвращении университетам внутреннего самоуправления звучит набатом со страниц всех «прогрессивных» журналов рубежа веков. Автор «Хроники» «Вестника воспитания» излагает ее следующим образом: «Если университет должен быть прежде всего тем местом, где происходит научное творчество и откуда распространяется научное просвещение, то отсюда уже вытекает, что университетский строй должен покоиться на устоях автономности. Сознание своей нравственной ответственности за ход университетских дел, сознание своей обязанности содействовать всеми мерами успешному выполнению миссии университета, сознание своего права и долга... руководствоваться одними лишь волнениями совести и научной правды, глубокая преданность своему делу... все эти черты... могут, очевидно, широко развиваться в профессорской среде только при последовательном проведении принципа автономии в строй университет-

ских отношений... Необходима автономия и для того, чтобы дать положению профессоров должную прочность и устойчивость, а также заменить в профессорской среде карьеристские происки перед начальством иным стремлением – ...приобретать себе добрую славу... заслугами перед наукой и университетами; только для автономных университетов может оказаться разрешимой задача пополнять ряды профессоров лицами, действительно способными разрабатывать науку... наконец, только профессора автономных университетов могут... стать людьми, пользующимися искренним доверием и уважением со стороны учащейся молодежи» [18, с. 142, 143].

Библиографический список

1. Именной Высочайший Указ [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1884 год. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – Т. IX. – С. 980.
2. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1884 год. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – Т. IX. – С. 985–1026.
3. Указ правительствующему Сенату [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1884 год. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – Т. IX. – С. 980, 981.
4. Университетский устав 1863 г. [Текст]. – СПб., 1863.
5. Ковалевский, М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 484–506.
6. Пичета, В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 583–596.
7. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет [Текст] / под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. – М., 1929.
8. Щетинин, Б. А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 533–547.
9. Виноградов, П. Учебное дело в наших университетах [Текст] // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1901. – Октябрь. – Кн. X. – С. 537–573.
10. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Текст] // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – СПб., 1900. – Т. LXXIX. – С. 18–742.

11. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] // Вестник Европы. – СПб., 1903. – Т. IV. – С. 167–218.

12. Милуков, П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование) [Текст]. – 4-е изд. – СПб., 1905.

13. Милуков, П. Университет [Текст] // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. XXXIV^A. – С. 751–803.

14. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст]. – СПб., 1902.

15. Сперанский, Н. Панацея г. Кассо [Текст] // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. – М., 1914. – С. 128–134.

16. Трубецкой С. Университет и студенчество [Текст] // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1897. – Кн. IV. – С. 181–203.

17. Филиппов, М. М. Реформа гимназий и университетов [Текст]. – СПб., 1901.

18. Хроника. Из университетской жизни. Мнения периодической печати о предстоящей реформе университетов [Текст] // Вестник воспитания: научно-популярный журнал / под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1901. – Сентябрь. – № 6. – С. 112–153.

19. Якушкин, В. Из истории русских университетов в XIX веке [Текст] // Вестник воспитания. – М., 1901. – Октябрь. – № 7. – С. 34–58.

20. Аврус, А. И. История российских университетов. Очерки. – М., 2001.

21. Андреев, А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Часть 2) [Текст] // Высшее образование в России. – 2005. – № 2. – С. 110–119.

22. Бутягин, А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР [Текст]. – М., 1957.

23. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года / Под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.

24. История Московского университета [Текст] : в 2 т. / под ред. М. Н. Тихомирова. – Т. 1. – М., 1955.

25. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века [Текст]. – М., 1971.

26. Олесич, Н. Я. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета [Текст]. – СПб., 1998.

27. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. Е. В. Олесеюка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?33.html>

28. Петров, Ф. А., Гуinov, Д. А. Российские университеты [Текст] // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.

29. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст]. – М., 1976.

30. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века [Текст]. – М., 1993.

Bibliograficheskiy spisok

1. Imennoj Vysochajshij Ukaz [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshheniya. – 1884 god. TSarstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1893. – Т. IX. – S. 980.

2. Obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshheniya. – 1884 god. TSarstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1893. – Т. IX. – S. 985–1026.

3. Ukaz pravitel'stvuyushhemu Senatu [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshheniya. – 1884 god. TSarstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1893. – Т. IX. – S. 980, 981.

4. Universitetskij ustav 1863 g. [Текст]. – SPb., 1863.

5. Kovalevskij, M. M. Moskovskij universitet v kontse 70-kh i nachale 80-kh godov proshlogo veka (Lichnye vospominaniya) [Текст] // Moskovskij universitet v vospominaniyakh sovremennikov / sost. YU. N. Emel'yanov. – М., 1989. – S. 484–506.

6. Picheta, V. I. Vospominaniya o Moskovskom universitete (1897–1901 gg.) [Текст] // Moskovskij universitet v vospominaniyakh sovremennikov / sost. YU. N. Emel'yanov. – М., 1989. – S. 583–596.

7. CHicherin, B. N. Vospominaniya. Moskovskij universitet [Текст] / pod red. S. V. Bakhrushina i M. A. TSyavlovskogo. – М., 1929.

8. SHHetinin, B. A. Pervye shagi (Iz nedavnego proshlogo) [Текст] // Moskovskij universitet v vospominaniyakh sovremennikov / sost. YU. N. Emel'yanov. – М., 1989. – S. 533–547.

9. Vinogradov, P. Uchebnoe delo v nashikh universitetakh [Текст] // Vestnik Evropy: ZHurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1901. – Oktyabr'. – Кн. X. – С. 537–573.

10. Glinkij, B. B. Universitetskie ustavy (1755–1884 gg.) [Текст] // Istoricheskiy vestnik: Istoriko-literaturnyj zhurnal. – SPb., 1900. – Т. LXXIX. – S. 18–742.

11. Kapnist, P. Universitetskie voprosy [Текст] // Vestnik Evropy. – SPb., 1903. – Т. IV. – S. 167–218.

12. Milyukov, P. Oчерки по истории русской культуры. Ч. 2. TSerkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie) [Текст]. – 4-е изд. – SPb., 1905.

13. Milyukov, P. Universitet [Текст] // EHntsiklopedicheskiy slovar' / Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb., 1902. – Т. XXXIVA. – S. 751–803.

14. Rozhdestvenskiy, S. V. Istoricheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1802–1902 [Текст]. – SPb., 1902.

15. Sперanskiy, N. Panatseya g. Kasso [Текст] // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. – М., 1914. – S. 128–134.

16. Trubetskoy S. Universitet i studenchestvo [Tekst] // Russkaya mysl': Ezhemesyachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. – M., 1897. – Kn. IV. – S. 181–203.

17. Filippov, M. M. Reforma gimnazij i universitetov [Tekst]. – SPb., 1901.

18. KHronika. Iz universitetskoy zhizni. Mneniya periodicheskoy pechati o predstoyashhej reforme universitetov [Tekst] // Vestnik vospitaniya: nauchno-populyarnyj zhurnal / pod red. N. F. Mikhajlova. – M., 1901. – Sentyabr'. – № 6. – S. 112–153.

19. YAkushkin, V. Iz istorii russkikh universitetov v XIX veke [Tekst] // Vestnik vospitaniya. – M., 1901. – Oktyabr'. – № 7. – S. 34–58.

20. Avrus, A. I. Istoriya rossijskikh universitetov. Oчерki. – M., 2001.

21. Andreev, A. «Natsional'naya model'» universitetskogo obrazovaniya: vznikovenie i razvitie (CHast' 2) [Tekst] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2005. – № 2. – S. 110–119.

22. Butyagin, A. S., Saltanov YU. A. Universitetskoe obrazovanie v SSSR [Tekst]. – M., 1957.

23. Vysshee obrazovanie v Rossii: Oчерki istorii do 1917 goda / Pod red. V. G. Kineleva. – M., 1995.

24. Istoriya Moskovskogo universiteta [Tekst] : v 2 t. / pod red. M. N. Tikhomirova. – T. 1. – M., 1955.

25. Lejkina-Svirskaya, V. R. Intelligentiya v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Tekst]. – M., 1971.

26. Olesich, N. YA. Gospodin student Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta [Tekst]. – SPb., 1998.

27. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury / pod red. E. V. Oleseyuka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?33.html>

28. Petrov, F. A., Gutnov, D. A. Rossijskie universitety [Tekst] // Oчерki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – T. 3. Kul'turnyj potentsial obshhestva. – M., 2001. – S. 124–199.

29. SHHetinina, G. I. Universitety Rossii i ustav 1884 g. [Tekst]. – M., 1976.

¹ О либеральных взглядах профессора философии и ректора (с 1905 г.) Московского университета С. Н. Трубецкого см.: [26, с. 90, 98].

² Князь Б. А. Щегинин, поступивший в Московский университет в 1885 г., в своих воспоминаниях неоднократно упоминает «душную атмосферу нового университетского устава», его «мертвящий», «безддушный формализм», заменивший нравственную связь между учащимися и учащими, «разрушивший до основания лучшие традиции студенческой жизни» [8, с. 533, 541, 547, 672].

Выпускник историко-филологического факультета академик В. И. Пичета также упоминает о царившей на рубеже XIX–XX вв. «системе университетского формализма» [6, с. 584].

³ См., к примеру: [9; 5, с. 500–503; 16].

⁴ См., к примеру: [11].

⁵ Л. А. Кассо, профессор Харьковского и Московского университетов, ставший министром народного просвещения в 1911 г., говоря о последствиях применения устава 1884 г.,

среди «наиболее печальных явлений» назвал «научный упадок университета, понижение его научной производительности...» [15, с. 128, 129, прим. 1].

⁶ Одна из самых обстоятельных публикаций принадлежит Б. Б. Глинскому [10].

В сентябрьском номере «Вестника воспитания» (1901 г.) содержатся выдержки из восемнадцати «прогрессивно настроенных... органов периодической печати»: «Вестника воспитания», «Вестника Европы», «Восточного обозрения», «Киевлянина», «Киевского дела», «Курьера», «Нового времени», «Новостей», «Образования», «Одесского курьера», «Одесского листка», «Пермского края», «России», «Русских ведомостей», «Русской мысли», «С.-Петербургских ведомостей», «Сибирского вестника», «Южного обозрения». Авторы всех помещенных в отделе «Хроника» материалов обсуждают устав 1884 г., высказывают критические замечания по наиболее уязвимым его позициям, рассуждают о причинах падения университетского строя [18, с. 112–153].

⁷ Гельсингфорский университет был основан королевой Христиной в г. Або в 1640 г.; в 1827 г. он был переведен в Гельсингфорс [23, с. 118].

⁸ Далее ссылки будут сделаны на это же издание.

⁹ В уставе 1863 г. сказано: «Каждый университет под главным начальством министра народного просвещения вверяется попечителю учебного округа» (гл. I, § 3). Здесь и далее ссылки сделаны на следующее издание: [4].

¹⁰ Комментируя это положение устава, М. М. Филиппов с иронией восклицал: «Непонятно, почему составители устава так деликатно назвали приказание попечителя “предложениями” ректору. Что это за предложения, которые обязательны для лица, их получающего!» [17, с. 98].

Критики публициста удостоен и процитированный нами седьмой параграф: возможность превышения власти попечителем ради обеспечения порядка в университете названа им «полнейшим произволом», так как устав не оговаривал случаи, дававшие попечителю свободу действий в отношении «установлений и должностных лиц» руководимого им учебного заведения (там же).

¹¹ П. А. Капнист, будучи попечителем Московского учебного округа, вынужден был точно следовать букве закона, поэтому его восприятие изменившегося по новому уставу статуса этого высшего должностного лица в университете представляет особую ценность для нас. Он писал, в частности: «Столь же неправильно устав определил положение попечителя, снабдив его... очень широкими полномочиями... Вместо того, чтобы дать попечителю возможность влиять на университетскую коллегию путем участия в ней, как то было по уставу 1835 года, устав 1884 года в сущности вовсе упразднил эту коллегию и уничтожил почву, на которой только и возможно было основать силу университетской власти» [11, с. 192].

М. М. Филиппов называет попечителя «полным хозяином университета», «прямым блюстителем законности». Из анализа шестой статьи устава («Попечитель учебного округа заботится о благосостоянии университета; наблюдает за ходом университетского преподавания и за точным исполнением всеми принадлежащими ка университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжениями правительства; пресекает всякое уклонение от сих правил; возбуждает дела об ответственности виновных и ходатайствует о награждении достойных») он делает вывод о том, что попечитель с уверенностью мог бы сказать: «Университет – это я», так как «трудно подыскать такое университетское дело, которое не подходило бы под эту статью». Однако, рассуждает автор,

«чтобы удовлетворить шестой статье, попечитель должен был быть вездесущим и всеведущим и тратить все свое время на надзор». Большая загруженность делами в обширном учебном округе не позволяла ему без остатка погружаться в одни лишь исключительно университетские дела, но дефицит внимания попечителя к университету с лихвой восполнялся расширенными правами университетской инспекции [17, с. 97].

¹² По мнению П. А. Капниста, инспекция оказалась одновременно в подчинении и попечителя, и ректора. Это «ложное» – двойственное – положение инспекции препятствовало «правильной деятельности как подчиненных, так и начальников» [11, с. 192].

¹³ М. М. Филиппов утверждает, что ректору, как и попечителю, устав дал право «превышения власти». «Правда, – замечает он, – власть ректора значительно сужена министерскими распоряжениями и надзором попечителя, а в особенности правом попечителя делать ректору обязательные предложения; но, с другой стороны, по отношению к подчиненным она опять является почти неограниченной...» [17, с. 98].

¹⁴ Проведем сравнение. Устав 1863 г. перечисляет следующие полномочия университетского совета, которые не требовали утверждения попечителя и министра просвещения: «Распределение предметов и порядок их преподавания во всех факультетах; присуждение медалей и назначение стипендий студентам; присуждение премий за ученые труды...; утверждение в ученых степенях...; распределение сумм, назначенных по штату на учебные пособия по факультетам; оставление при университете стипендиатов для приготовления к профессорскому званию; распоряжения по изданию ученых сочинений...; решения по программам на конкурсы для занятия вакантных кафедр; рассмотрение финансовой сметы университета...» (4. – Гл. V, отд. I. § 42. А. № 1–10).

¹⁵ Термин авторов «Отечественные университеты в динамике... [27. – 4.3].

¹⁶ П. А. Капнист детально описал последствия низвержения совета с его бывшего пьедестала: «Профессора, приглашаемые к участию в университетских делах лишь временно и случайно и притом лишь настолько, насколько начальство сочтет нужным предложить тот или другой вопрос их обсуждению, не могут ни быть достаточно в курсе этих дел, ни вовремя обсудить их, ни своевременно определить свой общий образ действий, а потому влияние их всегда будет случайное, – причем, можно сказать, спорадическое их участие в отдельных делах мало может влиять на общее упорядочение университетской жизни» [11, с. 193].

¹⁷ Университетский суд ограничивался только дисциплинарными делами, совершавшимися внутри университетской корпорации. Предварительное их рассмотрение осуществляло правление, а приговоры суда утверждал совет [4, с. 121, 122].

¹⁸ Инспектором Московского университета до 1888 г. был А. А. Брызгалов. Он, по сообщению Б. А. Щетинина, стяжал себе такую громкую славу, что «выражение “брызгаловская эпоха” для московского студента-восьмидесятника звучит теперь не менее определенно, чем какая-нибудь “аракчеевщина” или “бионовщина”. Брызгалов ввел в стенах университета целую систему шпионства и доносов, в которых изошрялись, главным образом, низшие служители инспекции... педели. Малейшее нарушение дисциплины со стороны студента уже влекло за собой... неизбежное наказание провинившегося карцером». Далее Б. А. Щетинин вспоминает, что А. А. Брызгалову везде чудилось

«потрясение основ». «В любом, ничтожнейшем нарушении устава он готов был видеть политическое преступление и всячески преследовать нарушителя, незаметно выраставшего в его глазах до степени опасного крамольника. Пощадить не было никому, все – и правые и виноватые – ввергались в карцер... Особенно плохо приходилось беднякам... На них Брызгалов смотрел как на своих врагов... и беспощадно сажал их в карцер за малейшую провинность. По его приказанию... везде рыскали переодетые педели... в студенческих столовых, в театрах, в местах публичных заседаний – и, повсюду находя виновных, немедленно привлекали их к ответственности. Гнет брызгаловского режима день ото дня становился все тягостнее...» [8, с. 534, 542].